

Арктика и Север. 2024. № 57. С. 168–180.

Научная статья

УДК [314.18:612.67](470.1/.2)

DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.168>

Уровень и темпы старения населения северных регионов России по новому пенсионному возрасту

Попова Лариса Алексеевна^{1✉}, доктор экономических наук, доцент

Зорина Елена Николаевна², научный сотрудник

^{1, 2} Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, Россия

¹ popova@iespn.komisc.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0549-361X>

² zorina@iespn.komisc.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1788-9224>

Аннотация. Статья посвящена особенностям демографического старения северных регионов России в соответствии с новым экономическим порогом старости. Актуальность исследования обусловлена поэтапным повышением пенсионного возраста в России и сохранением на Севере льготного возраста выхода на пенсию. Информационной базой служат итоги переписей населения и официальные данные Росстата. Применяются динамический и сравнительный статистический анализ, демографические методы исследования. Выявлены закономерности старения населения России по новому пенсионному возрасту в разные межпереписные периоды. Период 1959–1970 гг. характеризуется «старением снизу», обусловленным переходом к ограничиваемой рождаемости, и «старением сверху» в условиях роста продолжительности жизни населения. 1970–1979 и 1989–2002 гг. отличаются «старением снизу». В периоды 1979–1989 и 2002–2010 гг. произошло сокращение уровня старения населения России. Последний межпереписной период 2010–2021 гг. единственный, для которого подходит определение «старения сверху». В зоне Севера к 1989 г. сложилась заметно более молодая возрастная структура населения, чем в целом по стране. Начавшийся в конце 1980-х гг. миграционный отток обусловил повышенные темпы демографического старения северных регионов, характерного для них также и в 2002–2010 гг. В результате в Карелии и Архангельской области доля населения старше нового пенсионного возраста в 2021 г. уже заметно превышает среднероссийский уровень, в Сахалинской области, Республике Коми и Мурманской области приближается к уровню по стране.

Ключевые слова: *возрастная структура населения, демографическое старение, пенсионный возраст, экономический порог старости, северные регионы России*

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках темы НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста», № ГР 122012700169-9.

* © Попова Л.А., Зорина Е.Н., 2024

Для цитирования: Попова Л.А., Зорина Е.Н. Уровень и темпы старения населения северных регионов России по новому пенсионному возрасту // Арктика и Север. 2024. № 57. С. 168–180. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.168>

For citation: Popova L.A., Zorina E.N. Level and Rate of Population Ageing in the Northern Regions of Russia According to the New Retirement Age. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 57, pp. 168–180. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.57.168>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/)

Level and Rate of Population Ageing in the Northern Regions of Russia According to the New Retirement Age

Larisa A. Popova¹✉, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor
Elena N. Zorina², Researcher

^{1,2} Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Centre of the Ural Branch of the RAS, ul. Kommunisticheskaya, 26, Syktyvkar, Russia

¹ popova@iespn.komisc.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0549-361X>

² zorina@iespn.komisc.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1788-9224>

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of demographic ageing in the northern regions of Russia in accordance with the new economic threshold of old age. The relevance of the research is conditioned by the gradual increase of the retirement age in Russia and preservation of the favorable retirement age in the North. The information base is the results of the population censuses and the official data of Rosstat. The dynamic and comparative statistical analysis and demographic research methods are used. Regularities of ageing of the Russian population by new retirement age in different inter-census periods are revealed. The period of 1959–1970 is characterized by “ageing from below” due to the transition to limited fertility, and “ageing from above” under conditions of increasing life expectancy of the population. The periods of 1970–1979 and 1989–2002 are characterized by “ageing from below”. Within the periods of 1979–1989 and 2002–2010, there was a decrease in the level of ageing of the population in Russia. The last intercensal period of 2010–2021 is the only one for which the definition of “ageing from above” is suitable. By 1989, the North zone had a noticeably younger age structure of the population than in the country as a whole. The migration outflow that began in the late 1980s caused the increased rates of demographic ageing of the Northern regions, which also continued in 2002–2010. As a result, in Karelia and the Arkhangelsk Oblast, the share of the population above the new retirement age in 2021 already noticeably exceeds the average Russian level, while in the Sakhalin Oblast, the Komi Republic and the Murmansk Oblast, it is close to the national level.

Keywords: *age structure of the population, demographic ageing, retirement age, economic threshold of old age, northern regions of Russia*

Введение

Демографическое старение — увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения, причиной которого являются длительные изменения в характере его воспроизводства [1, Пирожков С.И., с. 117]. Наряду с общим ростом населения, увеличением международной миграции и урбанизацией, ООН относит старение населения к числу глобальных демографических «мегатрендов»¹, которые оказывают долговременное влияние на мировое развитие.

Для измерения степени демографического старения применяется ряд шкал, основанных на разных значениях границы старости. В России и странах, где значительная часть населения уходит на пенсию в 60 лет, наибольшее распространение получила шкала Ж. Боже-Гарнье — Э. Росseta с порогом старости 60 лет [2, Доброхлеб В.Г., с. 185]. В экономически развитых странах в качестве критерия выделения пожилого населения для статистических

¹ Report of the Secretary-General on the review and appraisal of the Programme of Action of the International Conference on Population and Development and its contribution to the follow-up and review of the 2030 Agenda for Sustainable Development (E/CN.9/2019/2). URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/015/35/pdf/n1901535.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

целей традиционно используется другая граница старости — 65 лет. В последние годы ООН всё чаще применяет этот порог не только для развитых стран, но и для населения всего мира².

Оба порога старости привязаны к верхней границе трудоспособного возраста. Это логично, поскольку именно численность лиц пенсионного возраста и их доля в составе населения определяют экономические аспекты старения населения, и именно переход границы трудоспособности обуславливает формирование нового социального статуса человека со всем сложным комплексом социально-психологических последствий старения. Поэтому в наших предшествующих исследованиях по демографическому старению [3, Попова Л.А.; 4, Попова Л.А., Зорина Е.Н.; 5, Попова Л.А., Зорина Е.Н.] мы придерживались экономического порога старости, т. е. достижения пенсионного возраста, а не традиционно используемых в российских исследованиях по старению 60 лет для обоих полов [6, Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н.; 7, Сафарова Г.Л.; 8, Шабунова А.А.], в зарубежных — 65 [9; 10; 11, d'Albis H., Collard F.; 14, Belgrave L.L., Sayed B.A.; 13, Brunow S., Hirte G.; 14, Casamatta G., Batte L.]³. Поскольку с 1932 г., когда в СССР был законодательно утверждён возраст выхода на пенсию по старости (60 лет для мужчин и 55 лет для женщин), пенсионный возраст в стране не менялся [15, Роик В.Д.], переписи населения давали возможность корректно анализировать уровень и темпы старения населения России и отдельных регионов на основе динамики численности и удельного веса населения старше трудоспособного возраста.

С 1 января 2019 г. в России вступил в действие закон о поэтапном повышении пенсионного возраста⁴, согласно которому к 2028 г. верхняя граница трудоспособности у мужчин повысится до 65 лет, у женщин до 60 лет. Всероссийская перепись населения, проведённая по состоянию на 1 октября 2021 г., отнесла к населению старше трудоспособного возраста мужчин от 61,5 лет и более и женщин от 56,5 лет и более⁵. Предыдущие переписи учитывали в этой категории мужчин в возрасте 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше. А предстоящая и последующие переписи учтут в составе населения старше трудоспособного возраста мужчин 65 лет и старше и женщин 60 лет и старше — в соответствии с новым пенсионным возрастом. Таким образом, нарушается преемственность исследований закономерностей старения населения России и её регионов по экономическому порогу старости в разные периоды времени — необходимо привести их к единому критерию. Целью представленной статьи является выявление особенностей демографического старения северных регионов России в соответствии с новым пенсионным возрастом.

² United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). World Population Prospects 2022. URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 21.12.2023).

³ Srivastava A., Nandita S. Aging in India: Comparison of Conventional and Prospective Measures, 2011 // medRxiv. The preprint server for health science. 2022, 25 p. DOI: 10.1101/2022.04.11.22273700 (preprint).

⁴ Федеральный закон № 350-ФЗ от 3.10.2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308156/ (дата обращения: 21.12.2023).

⁵ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

Методы исследования

Методологической основой исследования являются общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения. В работе использованы системный подход, динамический и сравнительный анализ, статистические и демографические методы исследования, табличный приём визуализации данных. Теоретической базой исследования являются научные работы ведущих демографов, социологов и экономистов, посвященные изучению демографического старения. Информационной базой послужили итоги переписей населения и официальные данные Росстата.

Результаты исследования

В демографическом старении традиционно различают «старение снизу», происходящее из-за постепенного сокращения числа детей вследствие снижения рождаемости, и «старение сверху», вызываемое ростом числа старых людей в результате сокращения смертности в старческих возрастах при относительно медленном росте числа детей [1, Пирожков С.И., с. 117]. Существенное влияние на изменения возрастной структуры населения оказывают направление и интенсивность миграционных процессов: поскольку наибольшей территориальной мобильностью отличаются лица в активных трудоспособных возрастах, миграционный приток населения способствует омоложению возрастной структуры, а отток — старению населения. Темпы старения могут зависеть также от особенностей демографической истории страны, увеличиваясь в периоды достижения порога старости поколениями, родившимися в годы высоких уровней рождаемости [4, Попова Л.А., Зорина Е.Н., с. 8].

В целом по России удельный вес населения старше нового пенсионного возраста (мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины 60 лет и старше) на протяжении последних 60 лет увеличился более чем в 2,5 раза: с 8,0% в 1959 г. до 20,3% в 2021 г.⁶ (табл. 1). Доля населения указанных возрастов в составе взрослого населения (16 лет и старше) возросла за это время более чем в 2 раза: с 11,4% до 24,4%.

Таблица 1

Возрастная структура населения России по данным переписей населения в соответствии с новым пенсионным возрастом, %⁷

Годы	Население в возрасте 0–15 лет	Мужчины в возрасте 16–64 лет и женщины в возрасте 16–59 лет	Мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше	Доля мужчин 65 лет и старше и женщин 60 лет и старше в составе населения 16 лет и старше
1959*	29,9	62,1	8,0	11,4
1970*	28,6	60,9	10,5	14,7
1979*	23,3	64,3	12,4	16,2
1989*	24,5	64,2	11,3	15,0
2002	18,1	65,6	16,2	19,8

⁶ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

⁷ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

2010	16,2	67,9	16,0	19,0
2021	16,8	62,9	20,3	24,4

*РСФСР

Проведённый нами статистический и демографический анализ уровня и темпов старения населения России в соответствии с новым пенсионным возрастом выявил, что разные межпереписные периоды характеризуются разными закономерностями старения по новому экономическому порогу старости.

- В 1959–1970 гг. происходило как «старение снизу», в условиях перехода населения к малодетности, так и «старение сверху» — за счёт роста продолжительности жизни россиян в рамках завершения первого этапа эпидемиологической революции.
- Межпереписной период 1970–1979 гг. на фоне продолжающегося снижения рождаемости характеризуется «старением снизу», сдерживаемым достижением трудоспособного возраста многочисленными поколениями послевоенного компенсационного подъёма рождаемости и начавшимся миграционным приростом.
- Для периода 1979–1989 гг. характерно уменьшение доли и численности населения старше нового пенсионного возраста, обусловленное повышением рождаемости под действием просемейной демографической политики 1980-х гг., снижением смертности в трудоспособных возрастах в результате антиалкогольной кампании 1985 г., а также достижением старших возрастов малочисленными поколениями 1920-х гг. рождения, понесшими значительные потери во время Великой Отечественной войны.
- Межпереписной период 1989–2002 гг. отличается самыми высокими темпами старения. В основе лежит сокращение рождаемости практически на всём протяжении периода и чрезвычайно высокая смертность в трудоспособных возрастах — наблюдаются как бы два взаимоусиливающих «старения снизу». Содействовала старению населения в эти годы и демографическая история, поскольку среди населения, достигающего старших возрастов, малочисленные поколения, понесшие колоссальные потери во время войны, постепенно сменялись поколениями, не принимавшими в ней участия. В то же время внешняя миграция немного сдерживала темпы старения.
- В 2002–2010 гг. в России произошло незначительное снижение численности и доли населения старше нового пенсионного возраста, на наш взгляд, обусловленное наследием кризиса смертности 1990-х гг. и активизацией оформления российского гражданства мигрантами со стажем из стран ближнего зарубежья в условиях совершенствования российского миграционного законодательства.

- Последний межпереписной период 2010–2021 гг., по сути, единственный в России, для которого подходит определение «старения сверху». В условиях восстановления позитивной тенденции ожидаемой продолжительности жизни населения (после двухлетнего снижения в условиях пандемии COVID-19 в 2022 г. показатель увеличился до 72,7 лет⁸) и предстоящего в самое ближайшее время структурного повышения рождаемости «старение сверху» имеет шансы приобрести в России устойчивый характер.

Различия в демографических процессах в регионах России обуславливают значительную региональную дифференциацию уровня и темпов старения населения. Благодаря высокой рождаемости, самой молодой возрастной структурой, несмотря на максимальный по стране показатель продолжительности жизни населения, характеризуется Республика Ингушетия. По данным переписи 2021 г.⁹, лишь 6,6% населения региона были старше нового пенсионного возраста в сравнении с 20,3% в целом по стране. Низкая рождаемость и хорошие показатели продолжительности жизни в Москве и Санкт-Петербурге обуславливают существенный уровень демографического старения столиц даже в условиях стабильного миграционного притока населения трудоспособного возраста: старше нового экономического порога старости в Москве 21,0% населения, в Санкт-Петербурге — 21,5%. Масштабный миграционный отток молодёжи определяет самый значительный по стране уровень старения населения Кировской области (в 2021 г. 24,8%).

В зоне Севера (в статье рассматриваются 13 субъектов федерации, территории которых полностью относятся к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, по которым имеются информационные возможности для динамического анализа) определяющим фактором уровня и темпов старения населения также является миграция. Благодаря многолетней истории миграционного характера формирования населения, к 1989 г. на Севере сложилась заметно более молодая возрастная структура, чем в целом по России. Доли детских и трудоспособных возрастов практически во всех северных субъектах превышали среднероссийский уровень. Лишь в Республике Тыва удельный вес населения в трудоспособном возрасте на фоне весьма значительной доли детей был несколько ниже среднего по РСФСР [4, Попова Л.А., Зорина Е.Н., с. 12].

Соответственно, процент пенсионных возрастов в северных регионах был существенно меньше, чем в среднем по России. Только в Карелии и Архангельской области удельный вес населения старше нового пенсионного возраста в 1989 г. был сопоставим с общероссийским уровнем: по 10,7% в сравнении с 11,3% в целом по РСФСР¹⁰ (табл. 2). В Чукотском и Ямало-Ненецком автономных округах доля старших возрастов была в 10 раз меньше среднероссийского уровня, в Ханты-Мансийском АО и Магаданской области — ниже в 5,5 раза, в

⁸ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

Камчатском крае, республиках Саха (Якутия) и Тыва, Ненецком АО, Мурманской и Сахалинской областях и Республике Коми — ниже от 3,4 до 1,7 раз.

Таблица 2

*Доля населения старше нового пенсионного возраста
 (мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше)
 в северных регионах России по данным переписей населения, %¹¹*

	1989 г.*	2002 г.	2010 г.	2021 г.
Российская Федерация	11,3	16,2	16,0	20,3
Республика Карелия	10,7	15,2	15,9	23,3
Республика Коми	6,5	10,6	11,6	19,0
Архангельская область	10,7	14,5	15,1	22,0
Ненецкий АО	5,1	8,5	8,9	14,6
Мурманская область	5,4	9,8	12,0	18,0
Ханты-Мансийский АО	2,1	4,4	5,7	12,3
Ямало-Ненецкий АО	1,2	2,5	3,6	9,0
Республика Тыва	4,9	6,2	6,5	7,7
Республика Саха (Якутия)	4,0	7,0	7,8	12,5
Камчатский край	3,3	7,9	11,0	15,9
Магаданская область	2,1	7,0	9,6	15,6
Сахалинская область	6,4	10,7	12,2	19,6
Чукотский АО	1,0	3,4	4,9	9,8

*РСФСР

Начавшийся три с половиной десятилетия назад миграционный отток населения с северных территорий обусловил повышенные темпы демографического старения зоны Севера (табл. 3). За период между переписями 1989 и 2021 гг. доля населения старше нового пенсионного возраста в составе всего населения России увеличилась на 80%. При этом в Чукотском автономном округе произошло почти десятикратное увеличение процента старших возрастов (с 1,0% до 9,8%), в Ямало-Ненецком АО и Магаданской области их доля возросла в 7,5 раз, в Ханты-Мансийском округе — почти в шесть раз, в Камчатском крае — почти в пять раз, в Мурманской области, Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области — в три с лишним раза, в Республике Коми и Ненецком АО — почти в три раза, в Карелии и Архангельской области — в два с лишним раза¹². И только в Тыве, отличающейся высокой рождаемостью и очень низкой продолжительностью жизни населения, за 1989–2021 гг. произошло менее значительное увеличение удельного веса старших возрастов (на 57%), чем по стране в целом.

Таблица 3

*Темпы прироста доли населения старше нового пенсионного возраста
 (мужчины в возрасте 65 лет и старше и женщины в возрасте 60 лет и старше)
 в северных регионах России в межпереписные периоды, %¹³*

	1989–2002 гг.	2002–2010 гг.	2010–2021 гг.	В целом за 1989–2021 гг.
Российская Федерация	43,4	-1,2	26,9	79,6
Республика Карелия	42,1	4,6	46,5	117,8
Республика Коми	63,1	9,4	63,8	192,3

¹¹ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

¹² Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

¹³ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

Архангельская область	35,5	4,1	45,7	105,6
Ненецкий АО	66,7	4,7	64,0	186,3
Мурманская область	81,5	22,4	50,0	233,3
Ханты-Мансийский АО	109,5	29,5	115,8	485,7
Ямало-Ненецкий АО	108,3	44,0	150,0	650,0
Республика Тыва	26,5	4,8	18,5	57,1
Республика Саха (Якутия)	75,0	11,4	60,3	212,5
Камчатский край	139,4	39,2	44,5	381,8
Магаданская область	233,3	37,1	62,5	642,9
Сахалинская область	67,2	14,0	60,7	206,3
Чукотский АО	240,0	44,1	100,0	880,0

Масштабы миграционного оттока с северных территорий, большая часть которого приходится на трудоспособный возраст, увеличивались до второй половины 1990-х гг.: некоторые исследователи называют 1999 г. годом второй смены динамики населения Севера, поскольку после дефолта 1998 г. из-за резкого падения обменного курса рубля значительно расширились возможности отраслей-экспортеров, и привлекательность северных регионов вновь стала возрастать [16, Пчелинцев О.С., Щербакова Е.М., Ноздрин Н.Н., Минченко М.М., с. 121]. А для России в целом в 1990-е гг., наоборот, были характерны максимальные объёмы миграционного притока населения из ближнего зарубежья [4, Попова Л.А., Зорина Е.Н., с. 17]. Поэтому в межпереписном периоде 1989–2002 гг. в северных регионах наблюдалось весьма значительное превышение среднероссийского темпа прироста доли населения старше нового пенсионного возраста. Исключение составили Республика Тыва с высокой рождаемостью и очень низким показателем продолжительности жизни населения, а также Архангельская область и Карелия, где, как и в Тыве, миграция играла менее значительную роль. Причём такое превышение наблюдалось в условиях значительного отставания от общероссийского уровня величины ожидаемой продолжительности жизни населения практически на всех северных территориях (кроме Ханты-Мансийского АО), а также традиционно повышенного уровня рождаемости в ряде регионов Азиатского Севера (в республиках Тыва и Саха (Якутия), Ямало-Ненецком и Чукотском автономных округах) и Ненецком АО¹⁴, что способствовало сокращению масштабов «старения снизу».

В межпереписной период 2002–2010 гг. в целом по России произошло небольшое уменьшение доли населения старше нового пенсионного возраста (на 1,2%). Одной из причин этого, на наш взгляд, является активизация получения российского гражданства мигрантами из бывших союзных республик, на что указывает достаточно заметный рост в стране удельного веса населения рабочих возрастов в этот период (с 65,6% до 67,9%). Для всех без исключения северных субъектов в 2002–2010 гг. характерно увеличение процента населения старше нового экономического порога старости. При этом в Якутии, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах темп снижения доли детей в этот период оказался значительнее, чем в среднем по стране, что свидетельствует об активизации демографического перехода у коренных народов Севера. Практически на всём Европейском Севере и в целом

¹⁴ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

ряде регионов Азиатского Севера «старение снизу», т. е. за счёт рождаемости, в 1989–2010 гг. было более интенсивным, чем в среднем по России¹⁵.

В 2010–2021 гг. старение населения России наблюдается в условиях увеличения удельного веса населения моложе трудоспособного возраста, что, как отмечалось, соответствует модели «старения сверху». Ускорение роста рождаемости в первые годы реализации регионального материнского капитала и повышенные её уровни уже в период начавшегося снижения привели к тому, что удельный вес детей в целом по России увеличился на 3,7%: с 16,2% до 16,8% (табл. 4).

Таблица 4

Изменение в северных регионах доли детских возрастов в межпереписной период 2010–2021 гг.¹⁶

	Доля населения в возрасте 0–15 лет, %		Темп прироста (убыли) за 2010–2021 гг., %
	2010 г.	2021 г.	
Российская Федерация	16,2	16,8	3,7
Республика Карелия	16,0	17,1	6,9
Республика Коми	17,7	18,8	6,2
Архангельская область	16,7	17,9	7,2
Ненецкий АО	22,7	22,5	-0,9
Мурманская область	16,2	18,2	12,3
Ханты-Мансийский АО	20,4	21,6	5,9
Ямало-Ненецкий АО	22,0	22,8	3,6
Республика Тыва	30,5	32,7	7,2
Республика Саха (Якутия)	23,3	24,0	3,0
Камчатский край	17,1	19,4	13,5
Магаданская область	16,8	17,0	1,2
Сахалинская область	16,7	16,2	-3,0
Чукотский АО	22,4	22,4	0,0

Для 7 из 13 северных территорий характерно более существенное увеличение доли населения моложе трудоспособного возраста, сдерживающее рост уровня старения. В то же время в ряде северных субъектов, большинство из которых относятся к регионам с традиционно повышенным уровнем рождаемости, наблюдается менее значительное увеличение процента детских возрастов (Магаданская область, Республика Саха (Якутия), Ямало-Ненецкий АО), нулевой рост (Чукотский АО) и даже сокращение (Ненецкий АО, Сахалинская область), свидетельствующие о продолжающейся активизации демографического перехода у коренных народов Севера, способствующей ускорению старения населения указанных регионов.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

В результате всех этих изменений, по данным переписи 2021 г., в двух северных субъектах, Карелии и Архангельской области, доля населения старше нового пенсионного возраста уже заметно превышает среднероссийский уровень (рис. 1).

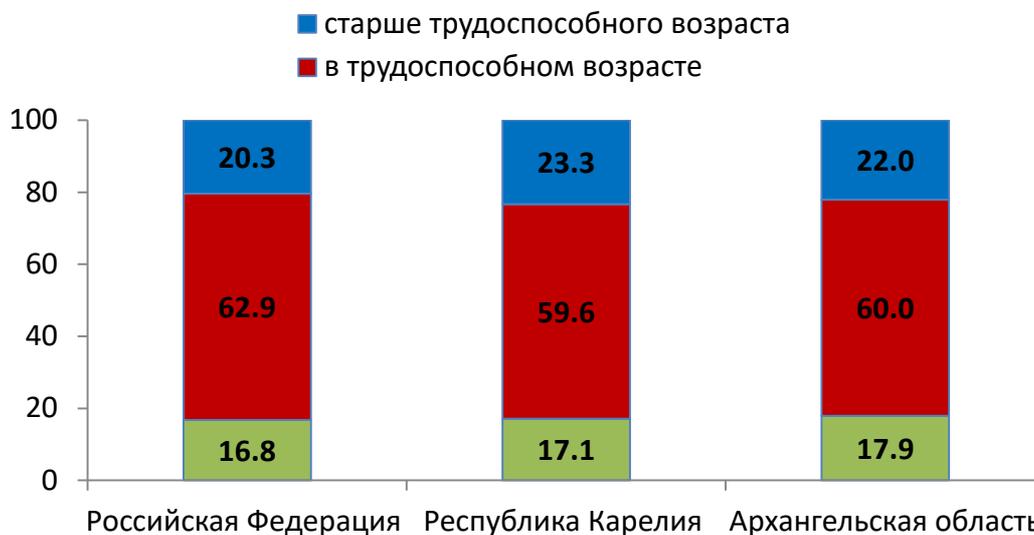

Рис. 1. Возрастная структура населения Российской Федерации, Республики Карелия и Архангельской области в 2021 г. в соответствии с новым пенсионным возрастом, %.

В Сахалинской области, Республике Коми и Мурманской области — приближается к уровню по стране. При этом отраслевая система хозяйствования и дискомфортность условий проживания предъявляют на Севере особые требования к характеристикам здоровья населения, а соответственно, и к его возрастной структуре.

Кроме того, следует учитывать, что начиная с 1993 г. на всей территории Севера, включая и местности, приравненные к Крайнему Северу, применяется льготный возраст выхода на пенсию. Для граждан, имеющих 15 лет работы в районах Крайнего Севера или 20 лет работы в районах, приравненных к Крайнему Северу, при условии наличия страхового стажа 20 лет для женщин и 25 лет для мужчин, он предусматривает возможность оформления пенсии на 5 лет раньше, чем в целом по стране¹⁷. При повышении пенсионного возраста северная льгота сохранилась.

В соответствии с этим в Республике Карелия и Архангельской области даже при окончательном переходе в России к повышенному пенсионному возрасту свыше трети взрослого населения (16 лет и старше) при наличии необходимого трудового стажа будут иметь право прекратить экономическую активность в связи с выходом на пенсию (табл. 5). В Республике Коми, Сахалинской и Мурманской областях право на пенсионное обеспечение по старости в соответствии с новым северным экономическим порогом старости получают около 30% взрос-

¹⁷ Закон Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, при назначении и перерасчете пенсий». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1786/ (дата обращения: 21.12.2023).

лого населения, в Камчатском крае, Ненецком автономном округе и Магаданской области — до 27%¹⁸.

Таблица 5

Возрастная структура населения северных регионов России в соответствии с новым северным экономическим порогом старости (мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше) по данным переписи населения 2021 г., %¹⁹

	Население в возрасте 0–15 лет	Мужчины в возрасте 16–59 лет и женщины в возрасте 16–54 лет	Мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше	Доля мужчин 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше в составе взрослого населения (16 лет и старше)
Республика Карелия	17,1	52,3	30,6	36,9
Республика Коми	18,8	55,2	26,0	32,0
Архангельская область	17,9	53,1	29,0	35,3
Ненецкий АО	22,5	56,7	20,8	26,8
Мурманская область	18,2	57,5	24,3	29,7
Ханты-Мансийский АО	21,6	59,9	18,6	23,7
Ямало-Ненецкий АО	22,8	62,5	14,7	19,0
Республика Тыва	32,7	55,2	12,1	18,0
Республика Саха (Якутия)	24,0	57,8	18,2	23,9
Камчатский край	19,4	58,6	22,0	27,3
Магаданская область	17,0	60,9	22,1	26,6
Сахалинская область	16,2	57,8	26,0	31,0
Чукотский АО	22,4	61,7	15,9	20,5

Лишь в пяти регионах зоны Севера доля взрослого населения, получающего право на пенсионное обеспечение в соответствии с новым северным пенсионным возрастом, ниже, чем доля пенсионеров по старости в составе взрослого населения по России в целом (24,4%, см. табл. 1). В Республике Саха (Якутия) и Ханты-Мансийском АО — менее 23%, в Чукотском и Ямало-Ненецком округах и Тыве — до 18–20% населения старше 16 лет.

Заключение

Благодаря многолетней истории миграционного характера формирования населения к 1989 г. в северных регионах сложилась заметно более молодая возрастная структура, чем в целом по России. Начавшийся в конце 1980-х гг. миграционный отток обусловил повышенные темпы демографического старения Севера, несмотря на низкие показатели продолжительности жизни населения в большинстве северных территорий и высокий, даже в условиях активизации демо-

¹⁸ Официальный сайт Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 21.12.2023).

¹⁹ Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата (URL: <https://rosstat.gov.ru/>).

графического перехода у коренных народов Севера, уровень рождаемости в ряде из них. В результате в Карелии и Архангельской области доля населения старше нового пенсионного возраста в 2021 г. уже заметно превышает среднероссийский уровень, в Сахалинской области, Республике Коми и Мурманской области приближается к уровню по стране.

При этом на Севере экономический порог старости на 5 лет ниже, чем в целом по стране. В соответствии с льготным пенсионным возрастом в Карелии и Архангельской области свыше трети взрослого населения при наличии необходимого трудового стажа будут иметь право прекратить экономическую активность, в Республике Коми, Сахалинской и Мурманской областях — около 30% взрослого населения, в Камчатском крае, Ненецком АО и Магаданской области — до 27%. Лишь в Якутии, Ханты-Мансийском, Чукотском, Ямало-Ненецком АО и Республике Тыва доля взрослого населения, получающего право на пенсионное обеспечение при новом северном пенсионном возрасте, ниже, чем доля пенсионеров по старости по России в целом.

Список источников

1. Демографический энциклопедический словарь / Пирожков С.И., Валентей Д.И. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1985. 608 с.
2. Доброхлеб В.Г. Демографическое старение населения и становление новых социальных норм в «стареющем» обществе / Демографические перспективы России / Осипов Г.В., Рязанцев С.В. Москва: Издательство «Экон-Информ». 2008. С. 181–205.
3. Попова Л.А. Особенности демографического старения северных регионов России // Регион: экономика и социология. 2013. № 1 (77). С. 23–40.
4. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах России. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография», 2014. 122 с.
5. Попова Л.А., Зорина Е.Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.9>
6. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.6>
7. Сафарова Г.Л. Демографические аспекты старения населения России // Отечественные записки. 2005. № 3 (24).
8. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 2 (70). С. 7–17.
9. Ageing Europe — looking at the lives of older people in the EU. Eurostat 2019 report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2019, 162 p.
10. Ageing Populations: The Social Policy Implications. Paris: OECD. 1988. 92 p.
11. d’Albis H., Collard F. Age groups and the measure of population aging // Demographic Research. 2013. Vol. 29. Art. 23. Pp. 617–640. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.23>
12. Belgrave L.L., Sayed B.A. Successful/Productive Aging, Responsibility, and Reflection / The Symbolism of Globalization, Development, and Aging / Ed. by S. Arxer, J. Murphy. Vol. 7. New York: Springer. 2013. Pp. 91–107. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-4508-1_8
13. Brunow S., Hirte G. Regional Age Structure and Economic Growth: An Econometric Study for German Region // Dresden Discussion Paper Series in Economics. 2019. No. 04/09. Pp. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1406925>
14. Casamatta G., Batte L. The Political Economy of Population Aging / Handbook of the Economics of Population Aging. 2016. Vol. 1. Pp. 381–444. DOI: <https://doi.org/10.1016/bs.hespa.2016.07.001>
15. Роик В.Д. Пенсионный возраст и модернизация пенсионных систем: отечественный и зарубежный опыт: монография. Москва: Юрайт, 2017. 336 с.

16. Пчелинцев О.С., Щербакова Е.М., Ноздрина Н.Н., Минченко М.М. Социально-демографические процессы в зоне Севера и задачи государственного регулирования / Север как объект комплексных региональных исследований / Отв. ред. В.Н. Лаженцев. Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типография». 2005. С. 120–126. 512 с.

References

1. Pirozhkov S.I., Valentey D.I. *Demographic Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1985, 608 p. (In Russ.)
2. Dobrokhleb V.G. Demographic Aging of the Population and the Formation of New Social Norms in an "Aging" Society. In: *Demographic Prospects of Russia*. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2008, pp. 181–205. (In Russ.)
3. Popova L.A. Peculiar Demographic Aging in Northern Regions of Russia. *Region: Economics and Sociology*, 2013, no. 1 (77), pp. 23–40.
4. Popova L.A., Zorina E.N. *Economic and Social Aspects of Population Ageing in the Northern Regions*: monography. Syktyvkar, Komi respublikanskaya tipografiya Publ., 2014, 122 p. (In Russ.)
5. Popova L.A., Zorina E.N. Implementing Active Aging in the Labor Sphere (Case Study of the Komi Republic). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2020, vol. 13, no. 2, pp. 143–156. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.2.68.9>
6. Dobrokhleb V.G., Barsukov V.N. Demographic Theories and the Regional Aspect of Population Ageing. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 6, pp. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2017.6.54.6>
7. Safarova G.L. Demographic Aspects of Population Ageing in Russia. *Otechestvennyye zapiski*, 2005, no. 3 (24).
8. Shabunova A.A. Social Development and Modern Demographic Challenges. *Problems of Territory's Development*, 2014, iss. 2 (70), pp. 7–17.
9. *Ageing Europe — Looking at the Lives of Older People in the EU. Eurostat 2019 Report*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2019, 162 p.
10. *Ageing Populations: The Social Policy Implications*. Paris, OECD, 1988, 92 p.
11. d'Albis H., Collard F. Age Groups and the Measure of Population Aging. *Demographic Research*, 2013, vol. 29, art. 23, pp. 617–640. DOI: <https://doi.org/10.4054/DemRes.2013.29.23>
12. Belgrave L.L., Sayed B.A. Successful/Productive Aging, Responsibility, and Reflection. In: *The Symbolism of Globalization, Development, and Aging*. New York, Springer, 2013, pp. 91–107. DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4614-4508-1_8
13. Brunow S., Hirte G. Regional Age Structure and Economic Growth: An Econometric Study for German Region. *Dresden Discussion Paper Series in Economics*, 2019, no. 04/09, pp. 1–32. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1406925>
14. Casamatta G., Batte L. The Political Economy of Population Aging. In: *Handbook of the Economics of Population Aging*, 2016, vol. 1, pp. 381–444. DOI: <https://doi.org/10.1016/bs.hespa.2016.07.001>
15. Roik V.D. *Retirement Age and Modernization of Pension Systems: Domestic and Foreign Experience*. Moscow, Urait Publ., 2017. 336 p. (In Russ.)
16. Pchelintsev O.S., Shcherbakova E.M., Nozdrina N.N., Minchenko M.M. Socio-Demographic Processes in the North and the Tasks of State Regulation. In: *The North as an Object of Integrated Regional Studies*. Syktyvkar, Komi respublikanskaya tipografiya Publ., 2005, pp. 120–126, 512 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.01.2024; одобрена после рецензирования 19.02.2024;
принята к публикации 21.02.2024

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов